

Автономия воли в регулировании трансфера права собственности: сравнительный анализ

Олейников М. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

e-mail: maoleynokov@hse.ru

Аннотация

Отсутствие унифицированного материально-правового регулирования трансфера права собственности в международном частном праве обусловлено наличием принципиальных противоречий в подходах различных правовых порядков к данному вопросу. Коллизионная привязка *lex rei sitae* не является оптимальным способом регулирования трансфера права собственности на движимые вещи в трансграничных сделках. Мобильный конфликт — один из случаев, когда определение вещного статута по праву места нахождения вещи затруднительно и ведет к несправедливому результату. Дозволение участникам трансграничных отношений самостоятельно выбирать правовой порядок, по которому возникает и прекращается право собственности, выступает в качестве одного из способов преодоления недостатков коллизионного регулирования трансфера права собственности. Однако подобное проявление автономии воли допускается далеко не во всех правовых порядках и не является общепринятым подходом. Цель исследования состоит в выявлении сложностей, с которыми сталкивается правовой порядок при дозволении автономии воли в части трансфера права собственности, а также определения путей их преодоления. В практическом преломлении автономия воли рассматривается на примере правовых порядков России и СНГ, Швейцарии, Нидерландов, Китая. Выбор правового порядка, согласно которому возникает и прекращается право собственности, не является расширением сферы действия договорного статута, а представляет собой автономию воли в отношении вещного статута. Следовательно, автономия воли сталкивается со сложностями, характерными для вещного права. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что автономия воли в части возникновения и прекращения права собственности с определенными ограничениями допустима и служит инструментом преодоления трудностей, вызываемых применением коллизионной привязки *lex rei sitae* в ряде случаев. Вместе с тем дозволение участникам международной сделки своим соглашением выбирать правовой порядок, применимый к трансферу права собственности, ставит вопрос о противопоставимости данного выбора против третьих лиц. В работе обозначаются пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: международное частное право, трансфер права собственности, коллизионное регулирование, мобильный конфликт, унифицированное регулирование, гармонизация, автономия воли.

Для цитирования: Олейников М. А. Автономия воли в регулировании трансфера права собственности: сравнительный анализ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 3 (21). С. 75–86. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-3-75-86. EDN: RRDHVF

Party Autonomy in The Regulation of Transfer of Title: Comparative Analysis

Mikhail A. Oleynikov

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

e-mail: maoleynokov@hse.ru

Abstract

The absence of a unified material legal regulation of the transfer of property rights is determined by the presence of fundamental contradictions in the approaches of various legal systems to this issue. The *lex rei sitae* connecting factor is not the optimal way to regulate the transfer of ownership of movable property in cross-border transactions. Conflict mobile is one of the cases, when determining the statute of a movable property by the law of its location is difficult and leads to an unfair result. The right of the parties to a contract in cross-border relations to freely choose the legal order regulating transfer of ownership is one of the ways to overcome the disadvantages of conflict-of-laws regulation of the transfer of ownership. However, such a manifestation of the party autonomy is not allowed in all legal systems and is not a generally accepted approach. The purpose of the study is to reveal the difficulties of the legal order in case of implementation of the party autonomy in the sphere of transfer of property rights, as well as to identify ways to overcome them. The party autonomy is practically analyzed on the example of the legal systems of Russia and CIS, Switzerland, the Netherlands, China. The choice of the legal order applicable to the transfer of ownership is not an extension of the scope of the contract statute, but represents party autonomy in relation to the real statute. Consequently, party autonomy interferes with the specific issues of property law. The analysis shows us that the party autonomy with certain restrictions is permissible for regulating transfer of ownership and serves an instrument for overcoming difficulties caused by the use of *lex rei sitae* connecting factor in a number of cases. However, allowing parties to an international transaction to choose the legal order applicable to the transfer of ownership raises the question of the effect of the choice against third parties. The article outlines ways to solve this problem.

Keywords: private international law, transfer of ownership, conflict of laws regulation, conflict mobile, unification, harmonization, party autonomy.

For citation: Oleynikov M. A. (2024) Party Autonomy in The Regulation of Transfer of Title: Comparative Analysis. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (21). Pp. 75–86. (In Russ.) DOI: 10.22394/3034-2813-2024-3-75-86

Проблематика трансфера права собственности на вещи по договору является центральным вопросом любого правового порядка. Сделки по приобретению права собственности на вещи представляют собой основу гражданского оборота и влекут возникновение у лица комплекса прав и обязанностей собственника. Определение момента перехода права собственности в трансграничных сделках существенно осложняется необходимостью выбора компетентного национального правового порядка, регулирующего трансфер права собственности.

В настоящее время для его определения используется коллизионная привязка места нахождения вещи — *lex rei sitae*. Именно она господствует в международном частном праве подавляющего числа правовых порядков¹. Однако при ее использовании в ряде случаев возникают сложности с определением вещного статута движимых вещей, что влечет существенные трудности при определении момента трансфера права собственности. Центральная проблема *lex rei sitae* состоит в наличии затруднений при разрешении мобильного конфликта — ситуации, когда движимая вещь перемещается в другую юрисдикцию.

Зачастую установить юрисдикцию, в которой находилась движимая вещь в тот или иной момент, невозможно. В условиях роста числа региональных объединений государств, где степень интеграции предполагает отсутствие какого-либо таможенного контроля на границах между государствами, данная проблема еще более обостряется. При таких обстоятельствах действие коллизионной привязки *lex rei sitae* приобретает основанный на допущениях характер.

В юридической плоскости ситуация еще больше усложняется. С учетом того, что критерием, лежащим в основе коллизионной привязки *lex rei sitae*, является местонахождение вещи, при перемещении движимой вещи между странами возникает вопрос — какой правовой порядок будет определять вещный статут.

¹ Базедов Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений / пер с англ. Ю. М. Юмашева. М., 2022. С. 54.

В отношении ситуаций, когда исполнен юридический состав, необходимый для трансфера права собственности в рамках одной юрисдикции, однако указанного состава недостаточно для признания перехода права собственности состоявшимся по праву страны, в которую перемещается вещь, в международном частном праве выработано решение. Например, согласно абз. 2 ст. 3 Гаагской конвенции о законе, применимом к передаче права собственности при международной купле-продаже товаров, 1958 г., в том случае, если право собственности уже возникло согласно нормам одного правопорядка, то оно признается существующим в последующих правопорядках¹.

Более сложные решения требуются, если вещь перемещается в новую юрисдикцию, однако по нормам предыдущего правопорядка трансфер права собственности не произошел. В указанных обстоятельствах момент перехода права собственности будет определяться по нормам нового правопорядка². Однако, например, если осуществляется перемещение вещи из правопорядка, основанного на системе, требующей передачи вещи, в правопорядок, где используется консенсуальная система, покупатель автоматически становится собственником лишь в силу перемещения вещи в новую юрисдикцию. Указанное решение является серьезным недостатком коллизионной привязки *lex rei sitae*, так как в данном случае она действует произвольным образом и не принимает во внимание волю сторон соглашения.

С учетом недостатков коллизионной привязки *lex rei sitae* юридическим сообществом неоднократно предпринимались попытки создания унифицированного регулирования трансфера права собственности на международном уровне. Однако существенное препятствие в практической реализации данной идеи состоит в наличии принципиальных различий в моделях регулирования трансфера права собственности³.

Гаагская конвенция о законе, применимом к передаче права собственности при международной купле-продаже товаров, 1958 г. явилась одной из таких попыток. Трансфер права собственности регулируется в ст. 3 Конвенции, которая представляет собой унифицированную коллизионную норму. В ней указано, что «переход к покупателю права собственности на проданные предметы по отношению ко всем лицам, иным, нежели стороны договора купли-продажи, регулируется внутренним правом страны, в которой находятся такие предметы в момент возникновения относящейся к ним претензии»⁴. Предусмотренное ст. 2 Конвенции распространение договорного статута на вопросы, по своей сути являющиеся последствиями перехода права собственности, представляется оригинальным решением.

Вместе с тем использование унифицированной коллизионной нормы, предусмотренной ст. 3 Конвенции, в любом случае не разрешило проблем, связанных с поиском компетентного национального правопорядка. Более того, указанная Конвенция до настоящего момента не вступила в юридическую силу по причине отсутствия требуемого числа ратификаций.

Одной из наиболее успешных конвенций, регулирующих куплю-продажу с иностранным элементом, явилась Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Однако она фокусируется на вопросах заключения договора купли-продажи, урегулирования взаимных обязательств продавца и покупателя, а также перехода риска случайной гибели товара и не содержит какого-либо регулирования перехода права собственности⁵.

В связи с этим перед юридическим сообществом стоит задача поиска альтернативных инструментов, которые позволят преодолеть или как минимум существенно снизить важность проблематики, возникающей при использовании *lex rei sitae*. Одним из вариантов, потенциально способных решить эту задачу, является расширение на законодательном уровне перечня случаев, где автономия воли допускается.

¹ Конвенция о законе, применимом к передаче права собственности при международной купле-продаже товаров, 1958 г. // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли Т. 1. Нью-Йорк, 1971. С. 14–18.

² Любарская Т. С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве: дисс. канд. юрид. наук. М., 2020. С. 31–32.

³ Сэгерт В. Консенсуальная система и система передачи в европейском частном праве — консенсус в отношении передачи. М, 2011. С. 280.

⁴ Конвенция о законе, применимом к передаче права собственности при международной купле-продаже товаров, 1958 г. // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли Т. 1. Нью-Йорк, 1971. С. 14–18.

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров / United Nations Commission on International Trade Law. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf>, свободный, (дата обращения: 10.03.2024).

Например, Ю. Базедов подчеркивает, что автономия воли в последнее время распространилась и на новые сферы права, в том числе и на вещное право¹.

Следовательно, представляется целесообразным проанализировать решения различных правопорядков, допускающих регулирование трансфера права собственности соглашением сторон. Изучение данного вопроса путем сравнения различных правопорядков обладает высокой ценностью, так как каждый правопорядок предлагает уникальное решение.

Российская Федерация и постсоветское пространство

В законодательстве Российской Федерации положения о праве, применимом к трансферу права собственности в трансграничных сделках, изначально были помещены законодателем в п. 1 ст. 1210 ГК РФ, регулирующей обязательственный статут. Право, выбранное сторонами в качестве применимого к договору, автоматически распространялось также и на вопросы трансфера права собственности. Такое решение квалифицировалось как изъятие вопросов трансфера права собственности из сферы действия вещного статута в пользу обязательственного². В дальнейшем положения, допускающие выбор права, применимого к трансферу права собственности, были перемещены в раздел, регулирующий вещный статут, а именно в п. 3 ст. 1206 ГК РФ.

Описанная трансформация законодательства представляется верной, так как вопрос квалификации принадлежности правового явления к обязательственному или вещному статуту представляется не сугубо теоретическим вопросом, а имеет практическое значение. Идея доктрины сводится к тому, что трансфер права собственности охватывается вещным статутом. Следовательно, автоматическое применение права, применимого к договору, невозможно. Более того, в рамках договорных отношений право, выбранное сторонами, по умолчанию применяется ко всем вопросам обязательственного статута. К вещному статуту автономия воли может быть применена только в части возникновения и прекращения вещного права³. Таким образом, выбор права, применимого к трансферу вещных прав, является соглашением, требующим отдельного волеизъявления сторон, и ограничен только одним аспектом вещного статута. Это существенно отличается от подхода к автономии воли в сфере договорного права.

На этот аспект обратил внимание и Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». В п. 19 Постановления Пленума было прямо указано, что вопрос возникновения и прекращения вещных прав относится к вещному статуту и для распространения на него права, применимого к договору, требуется заключение специального соглашения⁴. Следовательно, автономия воли в сфере обязательственного права и вещного права действует, руководствуясь совершенно разными принципами. В настоящий момент российское регулирование, практика и доктрина признают вещно-правовой характер автономии воли сторон в вопросе выбора права, применимого к трансферу права собственности.

В соответствии с положениями п. 3 ст. 1206 ГК РФ стороны соглашения вправе договориться о применении к трансферу права собственности национального правопорядка, применимого к сделке, без ущерба для прав третьих лиц⁵. В контексте данного решения российского правопорядка следует рассмотреть два аспекта.

¹ Базедов Ю. Право открытых обществ — частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права / пер с англ. Ю. М. Юмашева. М., 2022. С. 150–152.

² Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств [Электронное издание]. М., 2017. С. 501.

³ Комментарий к разделу IV «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ; отв. ред. И. С. Зыкин, А. В. Асосков, А. Н. Жильцов. М., 2021. С. 232–233.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/28079/>, по подписке (дата обращения: 08.04.2024).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации от 03.12.2001 № 49. Ст. 4552.

Первый из них состоит в том, что стороны вправе своим соглашением распространить на вопросы трансфера вещных прав только то право, которое выбрано ими в качестве применимого к сделке. Центральным доводом в пользу такого решения является отсутствие необходимости согласования договорного и вещного статутов в данном случае¹. Следует признать, что подобное решение существенным образом упрощает модель взаимоотношений сторон. Например, в случае возникновения потенциально-го спора суду не придется устанавливать содержание права, применимого к сделке, затем права, применимого к трансферу права собственности, а потом разрешать проблему согласования статутов.

Однако в этом случае возникает проблема, что стороны, ограниченные этими условиями, могут вообще не достичь какого-либо соглашения относительно трансфера права собственности, что приведет к необходимости использования *lex rei sitae*. Более того, предполагается, что стороны не будут выбирать противоречащие друг другу правопорядки. Данное допущение представляется обоснованным, так как отказ сторон от использования *lex rei sitae* уже свидетельствует о понимании ими проблемных аспектов трансфера права собственности по трансграничным сделкам. На основании данной аргументации Т. С. Любарская приходит к выводу о нецелесообразности ограничения сторон². Этот вывод представляется обоснованным, однако аргументация в его пользу является в большей степени политико-правовой. Догматических возражений против решения российского правопорядка не приводится.

Второй аспект, требующий рассмотрения, состоит в том, что право, выбранное сторонами в отношении трансфера права собственности, действует без ущерба для прав третьих лиц. Данная формулировка представляется несколько размытой и оставляет пространство для дискуссии. Например, в ситуации, когда выбранное право, даже в случае, если будет иметь эффект против третьих лиц, не будет наносить им ущерб.

Господствующий подход российской доктрины состоит в том, что выбранное сторонами право не должно распространяться на третьих лиц, а вопросы, лежащие в области вещного права, должны решаться по *lex rei sitae*³. Указанное решение подвергается критике сразу с двух сторон.

С одной стороны, можно возразить, что вещное право, не имеющее эффекта против третьих лиц, не является вещным правом как таковым. Однако данный подход не учитывает, что спор, связанный с возникновением права на вещь, может возникнуть и между сторонами соглашения. В данном случае указанная норма ГК РФ будет направлена на урегулирование отношений сторон по трансграничной сделке в отношении вопросов, лежащих в области вещного права.

С другой стороны, этот подход критикуется за излишнюю идеализацию неприкосновенности третьих лиц. Указывается, что возможность выбора правопорядка для трансфера собственности обусловлена правомочием собственника на распоряжение вещью⁴. Следовательно, нераспространение на третьих лиц права, выбранного сторонами, допускается, если указанные лица лишены возможности защитить свои права по выбранному праву. Данный подход весьма сложен и во многом является теоретической концепцией, реализовать которую на практике весьма затруднительно.

В связи с этим представляется, что российский правопорядок открыт к различным решениям, которые, с учетом крайне размытой формулировки закона, должна предлагать юридическая доктрина. Например, Т. С. Любарская предлагает компромиссный вариант решения рассматриваемой проблемы. Идея сводится к тому, что право, выбранное сторонами, распространяет свой эффект на третьих лиц, если их положение не ухудшается или меняется в лучшую сторону⁵.

На постсоветском пространстве (например, в Армении, Казахстане, Узбекистане, Украине) подход к регулированию трансфера права собственности в трансграничных сделках похож на российское регулирование. При этом можно выделить две модели регулирования. В рамках первой модели право, применимое к трансферу права собственности, по умолчанию определяется по коллизионной привязке

¹ Любарская Т. С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве: дисс. канд. юрид. наук. М., 2020. С. 134.

² Там же. С. 134–135.

³ Комментарий к разделу IV «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / ИЦЧП им.

С. С. Алексеева при Президенте РФ; отв. ред. И. С. Зыкин, А. В. Асосков, А. Н. Жильцов. М., 2021. С. 234.

⁴ Flessner A. (2011) Choice of Law in International Property Law — New Encouragement from Europe. *European law publishers GmbH*. Pp. 26–29.

⁵ Любарская Т. С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве: дисс. канд. юрид. наук. М., 2020. С. 194.

lex rei sitae, однако сторонам допускается отдельным волеизъявлением распространить действие правопорядка, применяемого к сделке, и на трансфер соответствующего права. Вторая модель по умолчанию предполагает осуществление трансфера права собственности по правопорядку, применяемому к сделке. Вместе с тем стороны вправе предусмотреть иное.

В связи с наличием двух моделей возникает вопрос, какая из них является предпочтительной. Например, Модельный гражданский кодекс СНГ, являющийся инструментом гармонизации частного права на постсоветском пространстве, использует вторую модель. Согласно п. 2 ст. 1220 данного регионального рекомендательного акта «возникновение и прекращение вещных прав на имущество, являющееся предметом сделки, определяется по праву страны, которому подчинена данная сделка, если иное не установлено соглашением сторон»¹. Однако к такой модели следует отнестись критически.

Во-первых, при таком подходе остается неясным, как будет ограничено право сторон устанавливать соглашением «иное». Представляется, что в данном случае это право сводится к использованию традиционного варианта — коллизионной привязки *lex rei sitae*. Во-вторых, автоматическое распространение права, применимого к сделке, на вещный статут в принципе является неверным решением, что было детально рассмотрено выше на примере российского правопорядка. В связи с этим первая модель, по умолчанию предполагающая использование общепринятой коллизионной привязки *lex rei sitae* к трансферу права собственности, представляется теоретически верной и более удобной к применению на практике.

В качестве исключения на постсоветском пространстве следует выделить Республику Беларусь. Согласно п. 1 ст. 1120 Гражданского кодекса Республики Беларусь вопросы возникновения и прекращения права собственности регулируются правом места совершения сделки. При этом стороны вправе предусмотреть иное². Данное решение основано на положениях советских нормативно-правовых актов. Впервые оно было имплементировано в Основы гражданского законодательства СССР 1961 г. редакцией 1977 г.

Место совершения сделки в качестве коллизионного критерия определения вещного статута представляется спорным решением, так как оно, как правило, выбирается исходя из удобства сторон и при этом никак не связано с правопорядками государств, имеющих хотя бы какое-то отношение к вещи. Более того, в современных реалиях место совершения сделки не имеет какого-либо значения, так как сегодня подавляющее большинство сделок заключается «между отсутствующими»³. В связи с этим к подходу белорусского законодательства следует отнестись критически.

Швейцарская конфедерация и Нидерланды

Наибольший интерес из европейских правопорядков представляют Швейцария и Нидерланды. Именно решения данных правопорядков являются наиболее обсуждаемыми как в российской, так и в зарубежной юридической доктрине.

В соответствии с положениями ст. 104 Закона Швейцарии о международном частном праве стороны вправе подчинить трансфер права собственности по трансграничной сделке праву государства назначения, праву государства отправления и праву, которому подчинена сама сделка. При этом указанный выбор не противопоставляется третьим лицам⁴. Внимание сразу привлекает тот факт, что швейцарское решение отличается от российского несколько большей широтой перечня правопорядков, которые могут быть выбраны сторонами в целях регулирования трансфера права собственности.

¹ Гражданский кодекс. Часть 3. Модель. Рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств / Электронный фонд нормативных и нормативно-технических документов «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901776572?marker=64U0IK>, свободный, (дата обращения: 19.03.2024).

² Гражданский кодекс Республики Беларусь / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>, свободный, (дата обращения: 13.04.2024).

³ Годунов В. Н., Мещанова М. В. Частное право Республики Беларусь: история становления, развитие и перспективы совершенствования // Частное право в странах бывшего СССР: итоги 30-летия: сборник статей / Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ; под ред. Л. Ю. Михеевой. М., 2022. С. 182.

⁴ Flessner A. (2011) Choice of Law in International Property Law — New Encouragement from Europe. *European law publishers GmbH*. Pp. 11–12.

Вместе с тем, несмотря на то что решение швейцарского правопорядка на первый взгляд представляется в большей степени ориентированным на интересы сторон, к нему следует отнестись критически. С одной стороны, указанная модель всё равно ограничивает стороны, предоставляя им право выбора только из трех вариантов; с другой — при использовании описанного подхода могут иметь место проблемы, аналогичные тем, которые возникают в случае действия коллизионной привязки *lex rei sitae*. Например, стороны выбрали в качестве права, регулирующего договор, германский правопорядок, а в качестве права, регулирующего трансфер права собственности, — правопорядок государства назначения, коим является Франция. В связи с этим возникает вопрос, который состоит в том, зачем вообще накладывать какие-либо ограничения на стороны, если всё равно имеются риски выбора несовместимых правопорядков.

Исследователи указывают, что в случае выбора противоречащих порядков к обязательственному и вещному статутам негативные последствия будут целиком на сторонах, сделавших такой выбор¹. Таким образом, положения закона Швейцарии о международном частном праве предлагают некое промежуточное решение. Оно существенно не расширяет автономию воли в выборе права, однако содержит риски, характерные для коллизионной привязки *lex rei sitae*.

Регулирование швейцарского правопорядка в части нераспространения права, выбранного сторонами, на третьих лиц в исследовательской литературе оценивается как решение, реализация которого остановилась на половине пути². Таким образом, исследователи выражают сомнение в целесообразности внедрения автономии воли в вещном праве без распространения ее эффекта на третьих лиц. Однако не следует забывать, что, как уже было указано выше, споры относительно перехода права собственности зачастую возникают исключительно между сторонами трансграничной сделки. В связи с этим недооценивать значение данной нормы нельзя в любом случае.

Вместе с тем в некоторых случаях эффект выбранного сторонами права будет действовать против третьих лиц. В качестве примера Ю. Базедов приводит положения швейцарского закона о том, что оговорка о сохранении титула, которая не допускается швейцарским правом, сохраняет свой эффект на территории Швейцарии в течение трех месяцев, а также противопоставляется третьим лицам, за исключением добросовестных третьих лиц³.

Таким образом, трансфер права собственности по иностранному праву, выбранному сторонами, признается действующим против ряда третьих лиц, несмотря на то что вещь уже находится в швейцарской юрисдикции. Следовательно, решение швейцарского правопорядка об отсутствии эффекта автономии воли на третьих лиц не носит абсолютного характера.

Переходя к рассмотрению голландского решения относительно автономии воли в области вещных прав, необходимо сразу подчеркнуть, что в положениях книги 10 Гражданского кодекса Нидерландов, регулирующих международное частное право, вообще отсутствует аналогичная российской или швейцарской общая норма о вещно-правовой автономии воли.

Все нормы, так или иначе допускающие вещно-правовую автономию воли, расположены в конкретных статьях книги 10 Гражданского кодекса Нидерландов. В качестве примера можно привести положения ст. 128, регулирующей оговорку о сохранении права собственности. Указанная статья, при соблюдении целого ряда условий, позволяет сторонам регулировать оговорку по праву места назначения вещи вместо *lex rei sitae*⁴.

Таким образом, автономия воли в голландском правопорядке серьезно ограничена, так как допускается только в некоторых случаях и при определенных условиях. В то же время голландские исследователи, например J. van der Weide, указывают, что в строгом смысле автономия воли в указанных случаях отсутствует, так как выбранное право не противопоставляется третьим лицам⁵. Однако представляется, что даже сам исследователь сомневается в наличии или отсутствии эффекта выбранного права против

¹ Любарская Т. С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве: дисс. канд. юрид. наук. М., 2020. С. 134.

² Flessner A. (2011) Choice of Law in International Property Law — New Encouragement from Europe. *European law publishers GmbH*. Pp. 11–12.

³ Базедов Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений / пер с англ. Ю. М. Юмашева. М., 2022. С. 61.

⁴ Там же.

⁵ Van der Weide J. (2011) Party Autonomy in Dutch International Property Law. *European law publishers GmbH*. P. 55.

третьих лиц в указанных случаях. Это обусловлено тем, что далее он задается вопросом о том, признал бы иностранный суд распространение такого выбора сторон на третьих лиц или нет.

Вместе с тем в ряде случаев выбранное право все-таки противопоставляется третьим лицам¹. Указанными положениями являются нормы о переходе права собственности к страховщику на украденную вещь (трансфер происходит по праву, применимому к договору страхования), а также о вещах в пути (трансфер по праву, применимому к основной сделке). Таким образом, голландское регулирование представляется сложным решением, так как в каждом случае решение является индивидуальным.

Китайская Народная Республика

Действующее регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом в Китае основано на Законе КНР «О праве, применимом к гражданским правоотношениям с иностранным элементом» (далее — Закон КНР о МЧП). При этом необходимо обратить внимание на общие положения Закона КНР о МЧП, центральным значением в которых обладает ст. 3. Она устанавливает автономию воли в качестве общего принципа международного частного права.

Однако ст. 3 содержит также положение, что стороны вольны выбирать право только в том случае, если это предусмотрено законом. Данная оговорка существенно снижает ценность рассматриваемой нормы. Вместе с тем в исследовательской литературе признается, что декларирование автономии воли в качестве универсального принципа оказывает существенное влияние на подходы Закона КНР о МЧП к регулированию трансграничных отношений².

Таким образом, китайское регулирование требует от законодателя подтверждать допустимость выбора права сторонами правоотношения применительно к каждой конкретной правовой ситуации. В связи с этим представляется, что положения ст. 3 Закона КНР о МЧП, признающие автономию воли в качестве базового принципа, адресованы китайскому законодателю в качестве нормы-принципа, которой следует руководствоваться при создании регулирования. Несмотря на это, либеральный подход к допущению автономии воли, описанный выше, находит свое отражение в более чем одной трети коллизионных норм Закона КНР о МЧП³. Статья 37 Закона КНР о МЧП, посвященная проблематике вещного права, гласит, что «стороны могут выбрать право, применимое к вещным правам на движимое имущество. Если стороны не осуществили выбор, применяется право места, в котором движимое имущество находилось в момент наступления юридического факта»⁴.

Положения указанной нормы выглядят крайне смело. Они не задают каких-либо ограничений сторонам в части правопорядков, доступных к выбору, а также не содержат каких-либо ограничений на действие выбранного права против третьих лиц. Более того, отсутствует характерная для других правопорядков оговорка, что допускается выбирать право только в части вопроса возникновения и прекращения вещных прав. Интересным представляется и тот факт, что китайские исследователи не уделяют существенного внимания данным вопросам, указывая лишь на то, что ст. 37 Закона КНР о МЧП нуждается в серьезной корректировке⁵. Таким образом, китайское регулирование ставит целый комплекс вопросов относительно механизма своей работы. В связи с этим представляется целесообразным последовательно рассмотреть каждый из них.

Отсутствие в китайском законе указания на то, что автономия воли в вещном праве ограничена только вопросами возникновения и прекращения вещных прав, вовсе не означает, что выбранное сторонами право распространяется и на вопросы, регулирующие содержание и осуществление вещных прав. Это обусловлено целым комплексом препятствий различного характера.

Центральный аргумент китайской доктрины в пользу невозможности выбора права, применимого к содержанию и осуществлению вещных прав, состоит в том, что такое решение противоречит

¹ Van der Weide J. (2011) Party Autonomy in Dutch International Property Law. *European law publishers GmbH*. P. 57.

² Guangjian T. (2016) Private International Law in China. *Springer Singapore*. Pp. 40–41.

³ Qingkun X. (2017) The Codification of Conflicts Law in China: A Long Way to Go. *Am. J. Comp. L.* No. 65. Pp. 931–932. DOI: 10.1093/ajcl/avx044

⁴ Плеханов В. В. Международное частное право. Сборник национальных кодификаций. М., 2021. С. 394.

⁵ Huo Z. (2011) Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. *RJT ns.* Vol. 45. P. 670.

принципу *numerus clausus*. Данный принцип является основополагающим в области вещного права. Содержание конкретного вещного права, а также иные вопросы, например, защита указанного права, в каждом правовом порядке имеют определенные отличия. Вследствие действия принципа *numerus clausus* вещное право из одного правового порядка просто не будет вещным правом с точки зрения последующего правового порядка.

В связи с этим любое возникшее вещное право при перемещении в новый правовой порядок проходит процесс адаптации, то есть поиск наиболее похожего вещного права, в целях включения этого возникшего права в систему вещных прав нового правового порядка. В. В. Плеханов указывает, что проблематика адаптации раскрывается на примере ограниченных вещных прав, так как право собственности урегулировано в правовых порядках в целом сходным образом, а потому не является репрезентативным¹. Вместе с тем указанное не означает, что отсутствует необходимость адаптации права собственности. В данном случае она проходит незаметно, однако право собственности по предшествующему правовому порядку всё равно трансформируется в право собственности по новому правовому порядку.

Таким образом, содержание права собственности, а также сопутствующие вопросы, например защита вещных прав, регулируются по праву места нахождения вещи. Альтернативное решение повлекло бы существенное нарушение системы вещных прав, а также необходимости устанавливать содержание иностранного права при возникновении спора, связанного с содержанием и защитой вещных прав на вещь, являющуюся объектом трансграничной сделки.

Еще одной особенностью китайского правового порядка является полное отсутствие каких-либо ограничений для сторон трансграничного контракта в части выбора правового порядка, который будет регулировать трансфер права собственности. Следовательно, согласно буквальному содержанию ст. 37 Закона КНР о МЧП стороны могут выбрать любой правовой порядок вне зависимости от наличия у него какой-либо материальной связи с правоотношением.

Китайские исследователи подвергают критике положения ст. 37 Закона КНР о МЧП по данной проблеме и указывают на необходимость заимствования решения швейцарского правового порядка². Однако швейцарский подход, как было показано выше, не решает проблемы согласования вещного и обязательственного статутов, а всего лишь снижает вероятность ее возникновения, так как ограничивает круг правовых порядков, доступных к выбору, но не требует соответствия вещного статута договорному. В связи с этим вопрос сводится к тому, вправе ли стороны применить к трансферу права собственности любое право или только право, которое применяется к договорным отношениям.

Представляется, что каждый правовой порядок в данном случае должен самостоятельно делать выбор между этими двумя подходами. Однако необходимо принимать во внимание, что автономия воли является не только инструментом решения имеющейся проблематики коллизионной привязки *lex rei sitae*, но и имеет самостоятельную ценность, так как предоставляет участникам частноправовых отношений дополнительные возможности. В связи с этим решение китайского правового порядка следует оценить позитивно.

Последним нерешенным в рамках ст. 37 Закона КНР о МЧП вопросом является действие выбранного сторонами правового порядка в отношении третьих лиц. Китайские исследователи признают данный недостаток регулирования и предлагают дополнить указанную статью положением о том, что выбранный сторонами правовой порядок не действует против третьих лиц³. Обосновывается данное решение ссылкой на то, что ведущие европейские правовые порядки не допускают противопоставления правового порядка, выбранного сторонами к возникновению и прекращению вещных прав, третьим лицам.

Однако слепое заимствование швейцарских или голландских норм законов без должного осмысления недопустимо, так как даже указанные европейские правовые порядки, последовательно внедряющие

¹ Плеханов В. В. Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров: дисс. канд. юрид. наук. М., 2008. С. 102–103.

² Huo Z. (2016) The Statutory Reform of Chinese Private International Law in Property Rights: A Silent Revolution. *The Chinese Journal of Global Governance*. Vol. 1. No. 2. P. 184. DOI: 10.1163/23525207-1234001012340010

³ Qingkun X. (2017) The Codification of Conflicts Law in China: A Long Way to Go. *Am. J. Comp. L.* No. 65. Pp. 932–933. DOI: 10.1093/ajcl/avx044

автономию воли в сфере вещного права, не содержат четкого регулирования действия автономии воли против третьих лиц. Общее правило о том, что эффект выбранного сторонами права не распространяется на третьих лиц, размывается массой исключений. В условиях отсутствия общепризнанного решения каждый правопорядок должен вырабатывать свою собственную модель регулирования самостоятельно.

Таким образом, буквальное содержание положений статьи 37 Закона КНР о МЧП не накладывает вообще каких-либо ограничений на участников трансграничных отношений. Подобное решение, на первый взгляд, представляется позитивным и направленным на удовлетворение интересов участников оборота. Вместе с тем абсолютная автономия воли в вещном праве не может быть допущена в силу как догматических, так и сугубо практических соображений. В связи с тем, что вопросы, имеющие существенное значение и требующие закрепления в законодательстве, например, ограничения автономии воли к вопросам содержания вещных прав, в данной статье не урегулированы, формулировка статьи 37 Закона КНР о МЧП является спорным решением.

Ограничения автономии воли, предлагаемые китайскими исследователями, перекликаются с подходами европейских правопорядков к вопросу допущения автономии воли в вещном праве. В качестве образца для регулирования выбрана швейцарская модель¹. Выбор в качестве модели именно швейцарского правопорядка неслучаен. Он обусловлен желанием сохранить наиболее либеральную модель допущения автономии воли, однако установить четкие и понятные ограничения ее осуществления. Вместе с тем некоторые ограничения европейских правопорядков, которые предлагаются к заимствованию, не являются очевидными и могут быть поставлены под сомнение.

Заключение и обсуждение результатов

Рассмотренные в статье правопорядки предлагают различные решения в части регулирования автономии воли в вещно-правовых отношениях. Анализ каждого правопорядка позволил выявить общие закономерности регулирования автономии воли. Дозволение участникам международной торговли своим соглашением устанавливать правопорядок, применимый к возникновению и прекращению права собственности на движимые вещи, можно оценить как положительное решение, соответствующее современному тренду, направленному на расширение автономии воли сторон частноправовых отношений, в том числе и осложненных иностранным элементом. При этом, безусловно, автономия воли не является безграничной. В связи с этим представляется целесообразным сформулировать ограничения автономии воли.

Автономия воли действует исключительно в отношении части вещного статута, а именно: возникновения и прекращения вещных прав. Альтернативное решение нарушило бы систему вещных прав. На нормативном уровне между правопорядками наблюдается консенсус. Исключением является китайский правопорядок, который не содержит таких ограничений на нормативном уровне. Вместе с тем китайская доктрина сходится на том, что данное ограничение является обязательным.

Отход от использования коллизионной привязки *lex rei sitae* представляет собой отдельное волеизъявление сторон, имеющее эффект в отношении вещного статута. В связи с этим решение, предполагающее автоматическое распространение права, применимого к сделке, на вопрос трансфера права собственности, является спорным. Как было показано в работе, договорный статут не может распространяться на указанный вопрос. Поэтому стороны должны оговаривать выбор права в отношении трансфера права собственности отдельно. Более того, при автоматическом распространении права, применимого к сделке, на вопрос трансфера права собственности и наличии оговорки о праве сторон предусмотреть иное указанная оговорка требует дополнительных уточнений, которых в рассмотренных правопорядках не сделано.

Установление ограничений для сторон по кругу правопорядков, которым они могут подчинить вопросы трансфера права собственности, представляется избыточным. Проблема согласования вещного и обязательственного статутов может возникнуть и при использовании коллизионной привязки *lex rei sitae*. Однако при допущении автономии воли острота данной проблемы существенно снижается в связи с тем,

¹ Huo Z. The Statutory Reform of Chinese Private International Law in Property Rights: A Silent Revolution // The Chinese Journal of Global Governance. 2016. Vol. 1. No 2. P. 184.

что стороны при выборе права, так или иначе, должны принимать во внимание возможность согласования статута. Таким образом, подход китайского правопорядка о дозволении сторонам выбирать любое право в качестве применимого к трансферу права собственности следует признать корректным решением.

При необходимости упрощения регулирования можно разрешить сторонам выбирать в качестве применимого права к трансферу вещных прав только обязательственный статут. Такое решение не будет являться неверным, однако существенным образом снижает ценность положений об автономии воли.

Таким образом, какие-либо препятствия догматического характера для имплементации в законодательства других государств автономии воли в части возникновения и прекращения вещных прав отсутствуют. Некоторые государства уже активно внедряют рассматриваемые решения. В качестве примера можно привести статью 16 Закона Бахрейна № 6 от 02.07.2015 «О коллизии законов в гражданских и коммерческих делах с иностранным элементом»¹.

Вместе с тем, с учетом того, что в рассматриваемом случае автономия воли затрагивает вопросы вещного права, признание допустимости указанного решения ставит перед законодателем и юридическим сообществом не менее, а, возможно, даже и более острый вопрос. Он состоит в определении механизма действия выбранного сторонами правопорядка против третьих лиц.

Общепризнанного подхода к решению данной проблемы не выработано. На примере правопорядка Швейцарии было показано, что, несмотря на недопущение распространения вещно-правовой автономии воли на третьих лиц, существуют ситуации, когда это допускается. В голландском праве даже исследователи крайне осторожно подходят к формулированию каких-либо выводов по рассматриваемому вопросу. Следовательно, вопрос действия права, выбранного сторонами в отношении третьих лиц, окончательно не решен.

Таким образом, можно констатировать, что какой-либо единый подход к решению данной проблемы отсутствует и зависит от решения конкретного правопорядка. В связи с этим, с учетом неоднозначности механизма действия выбранного сторонами права против третьих лиц, представляется целесообразным рассмотреть данный вопрос в рамках отдельной публикации.

Литература

1. *Асосков А. В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: М-Логос, 2017. 640 с.
2. *Базедов Ю.* Автономия воли в регулировании международных отношений / пер. с англ. Ю. М. Юмашева. М.: Норма, 2022. 136 с.
3. *Базедов Ю.* Право открытых обществ — частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права / пер. с англ. Ю. М. Юмашева. М.: Норма, 2022. 384 с.
4. *Годунов В. Н., Мещанова М. В.* Частное право Республики Беларусь: история становления, развитие и перспективы совершенствования // Частное право в странах бывшего СССР: итоги 30-летия: сборник статей / Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ; под ред. Л. Ю. Михеевой. М.: Статут, 2022. С. 152–190.
5. *Любарская Т. С.* Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве: дисс. канд. юрид. наук / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Юридический факультет. М., 2020. 214 с.
6. *Плеханов В. В.* Международное частное право. Сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. В. Плеханов. М., 2021. 1112 с.
7. *Плеханов В. В.* Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров: дисс. канд. юрид. наук / Московская Государственная Юридическая Академия. М., 2008. 185 с.
8. *Flessner A.* (2011) Choice of Law in International Property Law — New Encouragement from Europe. *European law publishers GmbH*. Pp. 1–40.
9. *Guangjian T.* (2016) Private International Law in China. *Springer Singapore*. 192 p.

¹ *Плеханов В. В.* Международное частное право. Сборник национальных кодификаций. М., 2021. С. 101.

10. Huo Z. (2011) Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. *RJT ns*. Vol. 45. Pp. 641–684.
11. Huo Z. (2016) The Statutory Reform of Chinese Private International Law in Property Rights: A Silent Revolution. *The Chinese Journal of Global Governance*. Vol. 1. No. 2. Pp. 174–191. DOI: 10.1163/23525207-1234001012340010
12. Qingkun X. (2017) The Codification of Conflicts Law in China: A Long Way to Go. *Am. J. Comp. L.* No. 65. Pp. 919–961. DOI: 10.1093/ajcl/avx044
13. Van der Weide J. (2011) Party Autonomy in Dutch International Property Law. *European law publishers GmbH*. Pp. 41–58.

Об авторе:

Олейников Михаил Антонович, аспирант департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
e-mail: maoleynokov@hse.ru

References

1. Asoskov, A. V. (2017) Conflict regulation of contractual obligations. *M-Logos*. 640 p. (In Russ.)
2. Bazedow, J. (2022) Party autonomy in the regulation of international relations. *Norma*. 136 p. (In Russ.)
3. Bazedow, J. (2022) The law of open societies — private and state regulation of international relations: a general course of private international law. *Norma*. 384 p. (In Russ.)
4. Godunov, V. N., Meshchanova, M. V. (2022) Private law of the Republic of Belarus: the history of formation, development and prospects for improvement. *Statute*. Pp. 152–190. (In Russ.)
5. Lyubarskaya, T. S. (2020) Autonomy of the will in determining the statute of real property in private international law. *Moscow State University named after M. V. Lomonosov*. 214 p. (In Russ.)
6. Plekhanov, V. V. (2021) Private international law. Collection of national codifications. 1112 p. (In Russ.)
7. Plekhanov, V. V. (2008) Transfer of ownership under the contract of international sale of goods: dissertation of PhD in law. *Moscow State Law Academy*. 185 p. (In Russ.)
8. Flessner, A. (2011) Choice of Law in International Property Law — New Encouragement from Europe. *European law publishers GmbH*. Pp. 1–40.
9. Guangjian, T. (2016) Private International Law in China. *Springer Singapore*. 192 p.
10. Huo, Z. (2011) Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. *RJT ns*. Vol. 45. Pp. 641–684.
11. Huo, Z. (2016) The Statutory Reform of Chinese Private International Law in Property Rights: A Silent Revolution. *The Chinese Journal of Global Governance*. Vol. 1. No. 2. Pp. 174–191. DOI: 10.1163/23525207-1234001012340010
12. Qingkun, X. (2017) The Codification of Conflicts Law in China: A Long Way to Go. *Am. J. Comp. L.* No. 65. Pp. 919–961. DOI: 10.1093/ajcl/avx044
13. Van der Weide, J. (2011) Party Autonomy in Dutch International Property Law. *European law publishers GmbH*. Pp. 41–58.

About the author:

Mikhail A. Oleynikov, graduate student of the School of Legal Regulation of Business of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)
e-mail: maoleynokov@hse.ru